

Сиротки
Сиротки. Отцеубийцы

Мария
Вой

ШИРОТКИ

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В65

Иллюстрации в тексте,
на форзацах и на обложке *Марии Вой*

Издание подготовлено при участии
бюро «Литагенты существуют»

Вой, Мария.
В65 Сиротки : иллюстрации автора / Мария Вой. —
Москва : Эксмо, 2022. — 416 с. : ил.

ISBN 978-5-04-163792-7

В королевстве, охваченном гражданской войной, нет оружия желаннее, чем магия. Последний королевский маг погибает при странных обстоятельствах, но успевает распорядиться Даром: оставляет его простой девушке Шарке.

Король, лишенный Дара и его мощи, и повстанцы, которые не прочь иметь такое оружие при себе, начинают охоту за новоиспеченной ведьмой. В ход идет все: и грубая сила, и хитроумная ложь.

Судьба всего королевства находится в руках безграмотной простолюдинки, которая для других всегда была лишь бессловесной вещью. А самой Шарке, впутанной в планы мага, приходится бороться за свою свободу и жизнь.

Какую сторону выберет Шарка? Откроется ли ей план мага, последует она ему — или наконец расслышит за чужими голосами свой собственный?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-163792-7

© Мария Вой, текст, 2022
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

I СВОРТЕК

Выметайтесь отсюда, пьянь позорная! Трактирщику Дивочаку и его скромному «Хмельному Кабанчику» еще не доводилось принимать такого высокого гостя.

Он появился один, без стражи и друзей. В тени глубоко надвинутого капюшона было не разглядеть лица — лишь выступал на свет кривой нос и спадали на воротник длинные черные пряди. Но по манере речи и дороговизне платья Дивочак сразу понял: таких людей его трактир еще не видывал.

Гостя усадили за самый чистый стол вдали от остальных, чтобы голоса и запахи гуляк не нарушали его покой. Две девки-подавальщицы, понявшие по лицу Дивочака, что все серьезно, понеслись обслуживать прибывшего. Дивочак с тревогой и ненавистью осматривал свои владения — никогда еще они не казались ему такими убогими и грязными, — а затем, извинившись перед гостем, кинулся к завсегдатаям:

— Выметайтесь отсюда, пьянь позорная! И вы, — шикнул он на музыкантов, которые скрипели веселую песенку на тридцать три куплета, — заткнитесь! Или сыграйте что-нибудь приличное! Все вон!

— Чак, ты че, совсем с ума спятил? — возмутились гости. — Это же наш «Кабанчик»! Это же «Сага о великих портках», твоя любимая! Да что с тобой, старина?

Дивочак закатил глаза.

— Хозяин, — раздался голос из дальнего угла. Незнакомец говорил негромко, но вес его голоса заглушал и музыку, и трактирный шум.

Он снял капюшон. Взгляд черных глаз, ярких на болезненно-бледном лице, так и впился в трактирщика.

— Не гони людей. Я не хочу есть в одиночестве. И музыка у вас тут неплохая.

Повисла тяжелая тишина: все до единого взгляды прилипли к его лицу, одному из самых знаменитых в королевстве и за его пределами. Наконец-то до остальных дошло, отчего так разнервничался Дивочак.

— Забудь обо мне, хозяин. Я такой же твой гость, как и все...

— Демон! — выкрикнул кто-то.

Несколько человек вылетели из трактира, как перепуганные зайцы. Другие замерли на своих местах, словно перед хищным зверем.

— Это же он! — завопил, указывая на гостя дрожащим пальцем, какой-то старик. — ОН! Он нас всех заколдует! Перебьет к хуям!

Лицо гостя перекосила ухмылка. Он откинулся на спинку стула и заложил руки за голову, с любопытством рассматривая старика:

— Как интересно — чем дальше на север, тем больше народ меня боится. Кажется, люди тут охотнее склоняются к Яну Хроусту, нежели к его величеству...

Он умолк: подавальщица, которая несла пиво ему на подносе, вдруг запуталась в юбках и упала к его но-

гам. Пиво выплеснулось на сапоги из кожи какой-то невиданной твари и забрызгало края черного как ночь плаща. От ужаса и стыда девушка, кажется, потеряла дар речи и прижала к голове руки, словно ожидая расплаты.

— Шарка, — простонал трактирщик тоном человека, готового принять смерть.

Однако гость взял Шарку под руку и аккуратно помог ей подняться. Она по-прежнему прятала лицо в ладонях, но гость лишь мягко отодвинул ее, поднял с пола кружку, в которой еще оставалось немного пивной пены, и втянул ее губами. Шарка вздрогнула и убежала прочь.

— К Яну Хроусту мы никакого отношения не имеем, — как ни в чем не бывало продолжил старик, — но все знают, что *ты* такое! И что твои руки по локоть в крови и дерьме...

— Заткнись, заткнись! — встрепенулся, как после дремы, Дивочак, замахиваясь на непокорного деда тряпкой. — Ох, я тебя отделаю, старый ты идиот!

— Идиот здесь только тот, кто не подумал то же, что и он, — перебил галдеж гость и повернулся ко второй подавальщице: — Будь добра, принеси мне еще пива.

— Тебе все это отзовется, Чак! — скрипел старик, уже стоя в дверном проеме. — Если ты думаешь, что можешь вот так за здрастье принимать таких, как Свортек...

— Вон отсюда! — проревел трактирщик, схватил со стола тяжелый подсвечник и бросил его в старика. Тот успел увернуться, смачно харкнул на пол трактира и захлопнул за собой дверь.

Дивочак обратил к гостю красное лицо:

— Мой пан...

— Мне плевать, — перебил его Свортек. — Просто принесите мне ужин. И хватит на меня тарашиться. Я всего лишь хочу посидеть в тепле в... — он пробормотал себе под нос что-то, чего никто не слышал.

Мало-помалу остальные перестали смотреть на него, а через полчаса, кажется, о Свортеке и вовсе забыли.

Музыканты разыгрались в полную силу. Близилась ночь, а значит, смех становился все громче, в трактире было все теснее и жарче, в глазах рябило от ярких юбок, которые нацепили на себя местные шляхи. Многие из новоприбывших отчаянно вытягивали шею, чтобы увидеть знаменитость, которая предпочла своему военному лагерю «Хмельного Кабанчика». Страх испарился — на смену ему пришли благоговение, гордость, что довелось увидеть такого человека, и зависть к его облачению, стоившему дорожке, чем весь «Кабанчик».

Трактирщик не сводил глаз со Свортека, прислушиваясь к толпе, чтобы никто не брякнул чего лишнего. Но сам Свортек ни на что не обращал внимания — лишь его нога изредка подрагивала в такт очередной песенке. На столе перед ним сменилось множество мисок и тарелок: он решил попробовать все, что было в трактире, и без спешки переходил от блюда к блюду, не съедая и трети.

Дивочак хмурился. Великими кулинарными изысками его заведение не славилось. Да и пивом тоже. Да и музыка была так себе. Да и шляхи...

— Эй, хозяин, — позвал вдруг Свортек, выбрав тот самый момент, когда Дивочак отвлекся на свои мысли.

— Да, мой пан?

Свортек зашептал трактирщику на ухо. В ответ Дивочак вскинул кустистые брови. Кажется, он даже собирался возразить, но, еще раз взглянув на лицо, похожее на обтянутый кожей череп, прикусил язык и отправился исполнять просьбу.

Когда трактирщик вернулся, Свортек уже отставил кружки и тарелки и смотрел на пляшущих людей.

— Она скоро приготовится, мой пан, вы не будете разочарованы...

Свортек равнодушно махнул рукой, заставляя хозяйина замолчать.

— Чему они радуются? — неожиданно спросил он. — Что заставляет их петь, плясать, нести чушь, лапять девиц, рожать детей? Я так и не понял и уйду, не поняв. Вот того старика, который верещал, что я вас заколдую, я понимаю прекрасно. А это?

«Это еще что за задачка? — растерялся Дивочак. — Что он хочет от меня услышать?»

— Э-э-э...

— «Э-э-э», — передразнил Свортек и вздохнул. — Жрачка твоя, Дивочак, не то чтобы плоха, но для последнего ужина точно не годится. Ты уж постарайся в следующий раз. И поскольку ты всю свою жизнь проторчал здесь, потрудись найти ответ на такой простой вопрос.

— Да, мой...

— Иначе, — перебил Свортек, резко вставая с места и понижая голос до вкрадчивого шепота, — я вернусь и... превращу тебя...

Музыка мигом стихла. Все взгляды метнулись к белому как простыня трактирщику, который не смел пошевелиться, и пану, который нависал над ним как коршун с дикой гримасой на лице. Тишина длилась долго, никто не двигался; казалось, даже мухи не ре-

шались подняться в воздух со столешницы, ожидая страшной развязки.

— В пс-с-с-сину...

Свортек разогнулся и издал что-то вроде сдавленного лая. Не сразу гости поняли, что так он смеется.

— Прости, Дивочак, — прохрипел Свортек, успокоившись, — с шутками у меня не очень.

Дивочак ответил ему самым громким смехом, на какой был способен. Коленки его тряслись еще долго.

Свортек вошел в «те самые покои» и присел на край широкой кровати, стараясь не думать, сколько всего здесь происходило за историю трактира. Стены комнаты были когда-то выкрашены в красный, который в свете тусклых ламп больше походил на цвет весенней грязи. Застиранное, кое-где перештопанное белье в рюшах громко заявляло о своем жизненном опыте. На столике рядом с кроватью лежала толстая книга в недурном кожаном переплете. Свортек пролистал ее: каждая страница была проиллюстрирована самыми непотребными, похабными картинками, какие только можно себе представить. Отложив книгу, он встал и вымыл руки с мылом в тазу.

Раздался робкий стук в дверь.

— Входи, — отозвался Свортек.

Она вошла на цыпочках, вжав голову в плечи и не поднимая глаз, словно боялась разбудить спящего. При этом вид ее был далек от скромного: полная грудь едва не вываливалась из выреза рубашки, а лицо покрывал такой толстый слой румян и белил, что Свортек не сразу ее узнал. На голове красовалось невообразимо высокое сооружение, напоминавшее запутавшегося в сене петуха. Свортек хмыкнул:

— Я попросил его, чтобы ты была просто умыта. Но хозяин, видимо, оч-чень старательный человек...

Он осекся на полуслове: со стороны старого платяного шкафа в углу комнаты вдруг раздался шорох. Девушка дернулась туда, но застыла, не решаясь приблизиться к гостю без разрешения.

— Что это? — резко спросил Свортек. — Крыса? Или...

— Мой пан... — только и сумела выдавить она, с ужасом глядя на шкаф.

Свортек рассеянно усмехнулся какой-то своей мысли, подошел к шкафу и дернул на себя дверцу. Там сидел, вытаращив от страха глаза, тощий кудрявый мальчик лет девяти с кухонным ножом в руках.

— Что происходит? — прорычал Свортек, выволакивая мальчишку за плечо. Тот в ответ не проронил ни звука и обмяк в руках пана, как тряпка; нож выпал из его руки. — Меня? Кухонным ножом? Им больше некого было послать?!

— Мой пан! — Девушка бросилась между Свортеком и мальчиком на колени. — Это Дэйн, мой брат! Простите его, он не понимал, что творит! Он всегда так делает...

Свортек выдохнул. Затем поставил мальчика перед собой на ноги и недоуменно уставился в его чумазое лицо. По щекам Дэйна катились слезы, но он смело, изо всех сил старался не отводить взгляда от колючих глаз пана.

— То есть никто тебя за мной не посылал? — тихо спросил Свортек. — Ответь мне, мальчик, а я пойму, лжешь ты или...

— Он немой, мой пан, — снова вмешалась девушка. Край плаща Свортека вдруг оказался в ее руках — она тянула его на себя, пытаясь отвлечь чужака

от брата. — Но я клянусь вам, его никто не посылал! Он лишь хотел проследить, чтобы мне не причинили вреда.

— Вот как.

Свортек выдернул плащ из ее рук. Он все еще тяжело дышал.

— Не думаю, что твои гости были бы рады обнаружить, что за их шалостями следит какой-то малец из шкафа, — хихикнул он без веселья. — Да и самому-то не стыдно подглядывать за сестрой на *такой* работе? Фу!

— Он болван, — горячо прошептала девушка, — я его высеку. Я ему столько раз говорила, что все уже хорошо и никогда больше не повторится, как в тот раз... но он все равно...

— Пошел вон, — устало приказал Свортек и опустился на край кровати.

Девушка и мальчик быстро поговорили без слов: она беззвучно рычала, дико выпучив на него глаза, он — капризно морщился, пытаясь показать что-то жестами. Наконец она отвесила ему подзатыльник и выдворила за дверь.

— Я был так вежлив с тобой, когда ты разлила пиво на мою любимую обувь, — подал голос Свортек. — Шарка...

— Мой пан, это у него в голове засело, — неловко объясняла она. Заплетающийся от стыда язык едва складывал звуки в слова. — Я бы никогда... Просто... С тех пор как наша мать...

Шарка окончательно запуталась в том, что пыталась сказать, и умолкла, уткнув подбородок в плечо. Свортек встал прямо перед ней — так близко, что она ощутила его дыхание. Впервые в ее жизни от клиента пахло не пивом, не луком, не потом.

Но и не так, как пахло от нее самой. Не так, как должен пахнуть человек, даже если он чисто вымыт с мылом. От Свортека пахло костром и холодным подземельем одновременно...

— Сними это убожество. — Он кивнул на пышные юбки, подвязанные спереди так, чтобы обнажить бедра.

Шарка принялась распутывать перевязь под грудью, затем стащила с себя юбки. В ее движениях стыда больше не было — она раздевалась легко, с ловкостью опытной шлюхи, хотя Свортек не дал бы ей больше семнадцати лет. Когда она осталась в исподнем, он остановил ее жестом и спросил:

— Вы сироты, верно?

— Да.

— Что стало с вашими родителями?

— С отцами — не знаем, их никогда не было.

А мама, она...

Пока Шарка говорила, Свортек взял в руки ковш с водой и тряпицу и, макая ткань в воду, стал стирать с ее лица румяна.

— Мама не была как я, она просто работала тут, — едва слышно лепетала Шарка, чувствуя, как с ее бровей вытирают темно-коричневый уголь. — И был один мужчина, который к ней ходил, но он был женат, а она... Она так не хотела, пыталась его уговорить перестать. Мама была слишком... всегда лезла на рожон, кричала, со всеми спорила...

— Не то, что ты.

— Однажды она рассердила его. — Шарка не нашла, что ответить на слова Свортека. — И он пришел. Буйный. С топором. Дивочака не было тогда, никого здесь не было, только мы убрали трактир вечером, и...

Договорить Свортек ей не дал: он принялся медленно стирать помаду. Мокрая тряпка елозила по приоткрытым пухлым губам, размазывая сбившуюся в комки ярко-красную жижу. Бросив тряпку на пол и отставив ковш, он прикоснулся ко рту девушки кончиками длинных пальцев.

— Как грустно, — прошелестел он. Его рука нехотя переползла от губ по щеке, затем на шею, с нее — на затылок и начала расправляться с прической. — Быть одной против целого света. Хорошо, что ты не одна. Твой брат болван, но храбрый болван. Цени это.

Шарка пожала плечами — и на них тут же упала волна густых волос, освобожденных от заколок и шпилек. Свортек погрузил обе руки в тяжелую копну, чуть сжал и зажмурился.

— Ну, спроси меня. — Глаза его все еще были закрыты, руки блуждали по ее затылку. — Я же вижу, тебя распирает от любопытства. И страха...

— Что вы, мой пан, я ничего не...

— Я не причиню тебе вреда.

Она впервые прямо подняла на него глаза — всего на мгновение, чтобы сразу их отвести, — но, собрав всю свою храбрость, выпалила:

— Вы действительно кьенгар, последний из всех кьенгаров на свете?

Свортек убрал руки от головы девушки. Он помедлил с ответом, снимая тяжелый плащ, затем стаскивая с себя камзол, тоже черный, без вышивки и украшений, и расстегивая жемчужные пуговицы рубашки. Потом вытянул из штанов ремень, скрутил и небрежно скинул на гору своей одежды. Весь его худой торс и длинные руки покрывали татуировки — символы, узоры и звери, каких Шар-

ка в жизни не видела. Кьенгар подобрал оброненный мальчиком кухонный нож и начал проверять его остроту, катая лезвие на основании большого пальца. Завороженно уставившись на его изящные тонкие кисти, Шарка впервые заметила массивный перстень на указательном пальце.

— Да, так и есть, — ответил наконец Свортек. — Я последний маг в этом мире. Здесь не осталось никого, подобного мне. Подражателей, учеников, завистников у меня много, о да... но нет никого, кто смотрел бы на мир моими глазами. Может быть, именно поэтому я делал то, что делал, без сомнений и сожалений. Шел только вперед и никого не слушал и не жалел. Ты ведь наверняка слышала страшные сказки обо мне? Знаешь, что я делал все эти годы? Знаешь, почему так сильно меня боишься?

— Мой пан, у вас кровь, — прошептала Шарка. Заигравшись, Свортек, видимо, слишком сильно нажал на нож — и теперь на его пальце красовалась рана, из которой лилась кровь.

Вид алого ручейка развеселил мага. В его глазах разгорелся огонь сильного возбуждения; он высунул и прикусил язык. Кровь собралась в ладони и уже готова была сорваться на пол крупными каплями.

— На колени.

Шарка послушно опустилась на пол, со знанием дела уперлась руками в его колени и закрыла глаза. Рука Свортека — та самая, порезанная — снова принялась жадно ощупывать ее рот. Большой палец лег на язык, начал его ласкать, пока другие пальцы мягко ощупывали губы — нежно и аккуратно, чтобы не поцарапать перстнем. Кровь и слюна смешались.

— Раздень меня.

Не выпуская изо рта окровавленный палец, она стянула штаны с его узких бедер.

— Посмотри на меня.

И она уставилась снизу вверх в его лицо, как он велел. Никогда и ни у кого — а ей довелось встретить множество самых разных людей с самыми разными судьбами, и перед ней они раскрывали себя настоящих — она не видела таких усталых, печальных и страшных глаз. Его глубокие глазницы были бездонными пропастями, в которых горели две тусклые луны — горели, говоря что-то на немом языке, которого она не понимала. Шарка вдруг с удивлением осознала, что ее собственное тело стораает от желания, и к этому желанию примешивается острая черная тоска.

Свортек отнял руку, взял Шарку за голову и притянул ее к члену:

— Ты знаешь, что делать.

II СВОРА

обаки встретили Шарку радостным лаем и принялись расталкивать друг друга, чтобы оказаться поближе к девушке.

— Тихо вы, — проворчала она, поднимая ведро с объедками. — Всем достанется. Хватит вопить. Вам тут и так не рады.

Она рассеянно потрепала одну за ухом. Собаки были самые разные, от дворняг до убежавших или выброшенных охотничьих псов и плодов их кровосмешения. Многие даже были похожи на волков: крупные, длинноносые, с нахальными желтыми глазами, — но повадки их были исключительно собачьими.

Шарка любила эту свору, а свора любила ее. Конечно, любовь собак не была безусловна, но среди этих существ без камня за пазухой — какими бы вонючими и блохастыми они ни были — она чувствовала себя в безопасности.

Где-то вдали все еще гремел марш солдат, возвращавшихся в столицу после очередной битвы в полях. Точно так же он гремел два дня назад, когда в «Кабанчике» появился высокий гость. Саму битву в Тхоршице почти не слышали: говорят, для противников короны она закончилась быстро и бесславно. Горстка

измученных оборванцев — последние головорезы Яна Хроуста — канула в Лету. Кто знает, может, это и правда была последняя битва Бракадии и можно навсегда попрощаться с бесконечной войной?

Виски Шарки пронзила резкая боль, и она едва подавила рвотный позыв. Боль и тошнота преследовали ее все эти два дня, то стихая на пару часов, то накатывая с новой силой. И Шарка злилась — злилась сильно, так, как обычно себе не позволяла, потому что именно сейчас она не могла, не могла, не могла дать себе захворать. Она опустила руку в карман и ощупала кольцо, словно ждала, что оно ее исцелит, — но, конечно, ничего не произошло. Шаги все так же гремели в отдалении, псы кружились вокруг Шарки, переругиваясь и сбивая друг друга с ног, а кровь бешено пульсировала в голове и животе.

— Шарка! Милая!

Собаки захлебнулись лаем и понеслись к хорошо одетому крупному юноше, который, широко улыбаясь и раскинув руки, приближался к девушке.

— Ох уж эти твои псы, сразу тут как тут! Ну и свора! — хохотал он, пока самые общительные из собак пытались лизнуть его в лицо.

— Душан, не кричи, — хмуро сказала Шарка. — Дивочак услышит, придет, увидит тебя и рад не будет.

— Как и ты, — весело ввернул Душан и наконец протолкался к ней через лающую возбужденную толпу.

Они обнялись: Душан воодушевленно, Шарка — едва подняв руки. От него не ускользнула ее болезненная бледность:

— Не расскажешь мне, что случилось?

— Ничего не случилось.

— Он опять заставил тебя?..

Шарка попыталась сглотнуть плотный ком в горле, но тошнота только усилилась.

— С тобой плохо обращались? — настаивал Душан. — Тебя били? Тебя...

— Душан, все в порядке, — перебила она сдавленно.

— Если хочешь, я этого мудака Дивочака так отмудохаю, так отмудохаю! — Краска бросилась в полное лицо Душана. С него мигом слетела доброжелательность, и он снова стал тем, кем его знала Тхоршица, — одним из телохранителей самого богатого купца и его семьи. Крепкие кулаки Душана — грубые, выдавшие немало драк — сжались, в них хрустнули суставы.

— Перестань, он тут ни при чем. По-другому было никак. Я просто... — Снова рвотный позыв. — Я расстроилась, потому что ты так много делаешь для нас с Дэйном. А мне снова пришлось...

— Ах, Шарка — Душан сдулся, расслабил руки и снова прижал ее к своему дородному телу. — Ты же знаешь, я все понимаю. Сам такой же. Скоро все закончится, и мы будем вместе, ты и я, ну и твоей малой. И забудем все...

Они немного постояли так, обнявшись, на грязном заднем дворе трактира на отшибе городишки на самом краю страны, окруженные бродячими собаками, под ритмичный шум исчезающей вдали армии.

— Я сейчас пойду к Пригоже-младшему и все ему расскажу, — сказал Душан. Глаза его возбужденно горели, как у мальчишки, предвкушающего лучший день в своей жизни. — У меня уже все собрано, вещи, лошади, телега, все готово. Осталось только сказать, и все, все! Распрошась с этими подонками навсегда.

— Ты уверен, что он просто так возьмет и отпустит тебя? — спросила Шарка, как сотню раз до того.

— Конечно, он сам всегда говорил: мол, вас, ребята, никто не держит, если думаете, что можете найти себе местечко получше, чем у меня, бе-бе-бе. Отступные для него я приготовил. Все пройдет отлично! А ты, ты уже поговорила с Дивочаком?

— Сейчас поговорю.

— Сейчас?

Душан сник.

— Ты тоже не волнуйся, — быстро сказала Шарка и выдавила самую широкую улыбку, какую ей позволила боль. — Он мне тоже обещал. И матери моей обещал... Что отпустит меня, как только я сама буду готова уйти. А если начнет упрямиться, то я знаю, как его уговорить.

Рука Шарки соскочила с плеча Душана и в миллионный раз нервно оцупала в кармане кольцо.

— Надо верить друг другу. И завтра на рассвете...

— ...Я буду ждать вас с Дэйном у ворот, — расцвел Душан. — Поедем в Лососевые Верховья, как всегда мечтали. И начнем...

— Новую жизнь.

Душан бережно взял лицо Шарки в свои грубые большие ладони, притянул к себе и неуклюже, но старательно поцеловал. От него пахло луком, пивом, кислой капустой — как должно пахнуть от нормального человека из плоти и крови. Но Шарка содрогнулась и едва удержалась, чтобы не оттолкнуть его с отвращением. Не все люди пахнут луком и капустой...

— Завтра все это закончится, моя королева, — ворковал Душан, горячо дыша ей в лицо своей кислятиной. — Я нас отсюда вытащу. Я очень тебя лю...

— Я так тебе благодарна, — перебила Шарка, пытаясь незаметно отстраниться. — И я, и Дэйн... Ты не представляешь себе. Ну, иди, а я пойду к Дивочаку поскорее. На рассвете, да?

Душан дернулся, стоня с себя мечтательную негу, прокашлялся, подтянул ремень под круглым животом и, еще раз клянуv ее в щеку на прощание, бодро пошел прочь. Уже по пути он обернулся и бросил ей полный собачьего обожания взгляд и воздушный поцелуй. Шарка нетерпеливо улыбнулась и помахала ему. Еще пару минут она без всякой мысли смотрела в удаляющуюся широкую спину Душана. Затем тяжело вздохнула и подняла голову к темнеющему небу. В тусклой вышине бесновались вороны — огромная туча ворон, несущаяся бесконечным потоком с запада, где прошла недавно битва. Рваные черные тени возвращались со своего пира — возможно, теперь уже последнего в стране. Вдалеке над горизонтом в холодное небо поднялся столб черного дыма: там жгли трупы.

Шарка упала на колени, и ее начало тошнить, как не тошнило никогда в жизни.

Дивочака она нашла за стойкой. В тот день в трактире было на удивление тихо, и трактирщик, судя по стеклянным глазам, расправился в одиночестве уже не с одним пивом.

Их взгляды встретились. Дивочак нервно дернулся, словно увидел призрака, но быстро взял себя в руки:

— Девочка, ты в порядке? Ты бледная как смерть!

— Все хорошо, — ответила Шарка и присела на край лавки. Рвота лишила ее сил, но головная боль и тошнота наконец отступили. — Так бывает, это ничего.

Дивочак вздохнул и в несколько глотков разобрался с очередной кружкой.

— Опять к тебе этот Пригожин вышибала приходил? Как его, Душан?

— Душан.

— Шары к тебе катит или как? Мне ему объяснить, что к чему?

— А если я хочу, чтобы он ко мне катил?

Кустистые брови Дивочака недоуменно подпрыгнули, но он справился с собой.

— Да нет, я ничего такого не имел в виду... Просто... Ну ты знаешь... Ох...

Он громогласно и гордо выпустил из себя воздух. Не так Шарка представляла себе этот разговор. Камень в кольце, которое она крепко сжимала в кармане, оцарапал ей кожу.

— Хорошо, что ты пришла. Я ведь так и не сказал тебе тогда, — медленно заговорил Дивочак, пряча взгляд в кружке с пивом. — Прости меня, Шарка. Я обещал, что больше не буду принуждать тебя к этому, но...

— Ничего.

— Нет, чего! Я обещал, я клялся твоей матери, что защищу вас. Она была отличная, прекрасная женщина. Хоть и, конечно, огненная... Характер у нее был дай боже... Но все равно, я обещал ей, что буду тебя защищать. И что я в итоге сделал с тобой? Тебе же и семнадцати еще нет, а ты уже...

Речь Дивочака скомкалась в пьяное бульканье; в глазах заблестели огромные слезы. Вот он, самый лучший момент! Шарка стала судорожно подбирать слова: «Если тебе так дорого обещание, данное моей матери, то отпусти меня. Дай мне жить нормальной жизнью вдали отсюда, с человеком, который меня любил и не даст в обиду. А за твою доброту возьми, пожалуйста, это...»

«Нет».

Рука с зажатым кольцом застыла в воздухе, не успев коснуться столешницы. Холод сковал мышцы и горло и вонзил когти в дико бьющееся сердце. То, что прервало ее внутренний голос, готовящий речь Дивочаку, не принадлежало Шарке. Это твердое, злое, металлическое «Нет» взялось из ниоткуда, не было звуком, не было ее мыслью. Шарка попыталась снова овладеть своей рукой. Ее пальцы готовы были разжаться и уронить кольцо на стол перед трактирщиком, но их снова остановил все тот же ледяной голос:

«Нет».

— Иди отдыхай, девочка, ты сама не своя. — Дивочак без всякой мысли взял ее кулак и покатал в своих липких ладонях. — И попробуй простить меня, старого дурака. Клянусь, такое больше никогда, никогда не повторится. Ты больше не будешь работать... так. В жопу этих панов, дворян и прочих. Ни-ког-да.

Шарка кивнула. Слова Дивочака ее не впечатлили — он заводил эту песню всякий раз, как напивался в одиночестве. Ее рука тем временем скользнула обратно в карман и выпустила кольцо, а в голове растеся туман — на сей раз не боли, а тупой пустоты, словно ее воля отделилась от разума и преследовала какой-то свой план. Девушка отвернулась от трактирщика и встала из-за стола.

«Что я делаю? А как же Душан? Как же мы уедем?» Но голос не откликнулся на ее вопросы.

«Я схожу с ума?»

В дверях Дивочак ее окликнул:

— Кстати... Не знаю, слышала ли ты, но тот пан... Он вел солдат на битву с Сиротками Яна Хроуста, ты поняла?

— Да, — отозвалась Шарка. — Он ведь кьенгар короля Редриха. Последний Хранитель Дара в мире.

— Теперь уж его величеству придется как-то без Дара... Его убили вчера в битве. Свортека, великого воина и коддуна. Убили...

Шарка ничего не ответила и поднялась в крошечную каморку прислуги. Она сама не заметила, как проделала этот путь и улеглась на заплочный мешок рядом с мирно сопевшим Дэйном, уже одетым в походный костюм с чужого плеча. Она не спала, но ни о чем не думала и ничего не чувствовала. Лишь, как в бреду, стояло перед ее внутренним взором усталое бледное лицо — еще не старое, уже не молодое, не злое и не добродушное, не такое, как у жителей городишка Тхоршицы, не человеческое...

На рассвете Душан к воротам не явился.

III

ЧУДОВИЩЕ

н уехал без нас?» — в сотый раз жестами спросил Дэйн.

— Не переживай, — прошептала Шарка. — Он же обещал. Он приедет.

Когда солнце разгорелось над горизонтом, они отнесли мешок обратно в свою каморку и сели караулить Душана из окна. Их затея, и без того не очень-то продуманная, теперь и подавно трещала по всем швам: Шарка рассчитывала просто сбежать, оставив Дивочаку кольцо в кармане его куртки, раз уж поговорить с ним начистоту у нее не хватило смелости. Он бы понял. После того что он вчера наговорил...

Но теперь побег провалился. При свете дня, в городке, где все друг друга знают, сплетен и доносов не избежать — а там уж на милосердие похмельного Дивочака рассчитывать не придется, что бы он ни говорил.

Дэйн тяжело вздохнул и всплеснул руками: «Ну вот и все». «Бедняга», — подумала она. Брат ждал этого дня куда нетерпеливее, чем она. В трактире, который ночью превращался в бордель, где мальчишка с кухонным ножом следил из шкафа, чтобы его сестра не повторила судьбу матери, ему точно было не место. Дэйн не знал другой жизни, но верил в нее, как в чудо.

Сама Шарка не удивлялась — словно с самого начала знала, что городишко, трактир и эта жалкая, унижительная жизнь не отпустят ее так легко. Когда Душан впервые заметил ее и со всей серьезностью начал ухаживать, не боясь сплетен за спиной, она не верила. Когда Душан предложил ей взять Дэйна и просто уехать из проклятой Тхоршицы, она не верила. И этим утром, когда Душан не приехал, все словно встало обратно на свои места, и дурацкая робкая надежда на чудо наконец исчезла.

Нищая проститутка остается гнить в своем захолустье среди грубиянов, пьяниц, насильников и таких же несчастных, как она сама. И никакой королевич, даже если это просто громила Душан, ее не спасет.

Трактир пустовал: на площади открылась первая весенняя ярмарка, и народ повалил туда. Шарка и Дэйн мыли столы и лавки. За стойкой Дивочак хмуро протирал кружки вонючей тряпкой. За весь день они не обменялись и парой слов, и это было хорошо. Это значило, что Дивочак не подозревал о неудавшемся побеге, и одной бедой у Шарки было меньше.

Двери «Хмельного Кабанчика» распахнулись, и в трактир ввалилась ватага хорошо одетых разгоряченных парней. Дивочак окинул их скучающим взглядом, пока не увидел последнего, вальяжно вышагивавшего в хвосте. Красивый молодой человек был одет куда богаче своих спутников; бархатный плащ, подбитый соболем, волочился за ним по грязи, в рукавах поблескивали золотые нити, да и на лице читалась порода. Трактирщик кинул тряпку, выскочил из-за стойки и услужливо пробасил:

— Дорогие друзья, господа! Рад приветствовать вас в своем заведении! Давненько же вас тут не было. Сколько пива не выпито, сколько свиных рулек не...

— Завали хлебало, — отозвались те, отпихнули Дивочака с дороги и заняли длинный стол посередине трактира.

Они были веселы, но это было веселье молодых петухов, готовых в любое мгновение с оглушительным кукареканьем, не жалея перьев и шпор, кинуться выкалывать глаза тем, кто им не нравится. Шарка тихо окликнула Дэйна и беззвучно приказала ему вести себя потише, а сама отошла за стойку, чтобы с длинного стола ее не было видно.

— Пива, — царственно вскинул руку тот самый молодой человек в бархатном плаще, перед которым расшаркивался Дивочак.

Трактирщик был к этому готов: шесть кружек немедленно, словно по волшебству, возникли в его руках, и он ловко расставил их перед «петухами». Пока те шумно пили, Дивочак улучил минутку, чтобы не перебивать никого из уважаемых господ, склонился к их главарю и с подобострастной улыбкой спросил нараспев:

— Как поживает ваш достопочтенный батюшка, пан Пригожа? Давненько я его не видел в нашей части города. Надеюсь, дела идут наилучшим образом...

— А ты бы взял, трактирщик, да и отвлекся от своих великих дел и заглянул к достопочтенному, — веско отозвался Пригожа. У него были глаза кота — ярко-зеленые, с поволокой, одновременно ленивые и цепкие; от их взгляда становилось неуютно. — А то, как я посмотрю, ты так занят со своими... «высокими

гостями», что совсем позабыл, кто на самом деле тянет на себе весь этот городишко — и тебя в том числе. И кому на самом деле надо выказывать уважение вместо убийц и ведьм.

«Он что, намекает на Свортека?» — удивленно подумала Шарка.

— Из-за таких, как ты, городишко тонет в самоуправстве, — продолжал Пригожа-младший. Его свита притихла, чтобы хозяин выговорился без помех. — Потому что такие, как ты, обслуживают панов из столицы в своем свинарнике, и им даже в голову не приходит, что, может быть, стоит сообщить об этом кому-то повыше тебя, а? Или даже самого пана направить в более приличные места?

— Он хотел именно сюда, — жалко отозвался Дивочак. — Он сказал, что ему понравилась музыка...

— Ты себя вообще слышишь, Дивочак? Да он просто зашел в первую попавшуюся дыру, — сказал Пригожа и вдруг, повернувшись, бросил ядовитую усмешку Шарке.

Та быстро склонила голову и принялась еще усерднее драить и так уже блестящую столешницу. Сердце заколотилось — вот только это был не страх за себя, Дэйна или Дивочака. Шарку сотрясла дикая, болезненная, совершенно беспричинная и какая-то чужая ярость.

— Пан Пригожа, — пытался найтись Дивочак, но вылетало из него только смущенное бульканье.

Пригожа приподнял одну руку, прося его замолчать, а другой звонко хлопнул трактирщика по плечу. Его парни, как по команде, заржали.

— Шучу я, Чак, — промурлыкал он. — Ты спрашивал про папу, вот я тебе и сказал. Расслабься. Колдун

выбрал, что выбрал, а в итоге все равно кормит червей. — Пригожа прервался на новую кружку пива, которую выхватил у одного из своих приятелей — тот не стал, конечно, возражать. — Непорядок везде — это да, такое есть. Боремся-боремся, но ведь за пару дней такое не исправить. Даже у меня вчера человек выкинул такое, что мне до сих пор не верится. Теперь ходи, ищи нового...

Хлюп.

Полная воды тряпка выпала из обессиленной руки Шарки. Звук оказался таким громким, что на нее обернулись все до единого. Лицо Дивочака выражало крайнюю степень мучения, как когда она разлила пиво на сапоги Свортека. Пригожа смотрел на нее с хищным любопытством.

— С тобой все в порядке, милая? — мягко спросил он.

— Нет, ей уже пару дней нездоровится, — быстро вмешался Дивочак, строя Шарке из-за спины Пригожи гримасы.

Но впервые в жизни ужимки и угрозы хозяина не просто не испугали ее, а даже разозлили. Никогда еще Шарка не чувствовала себя так: внутри разливался гнев, не оставивший места ни страху, ни мыслям о том, чем ей и ее близким придется за это заплатить. Она смотрела на Пригожу и его свиту спокойно, как мать на детей, которых можно привести в чувство этой самой тряпкой у ее ног.

— Пан Пригожа. — Шарка быстро поклонилась — без уважения, а чтобы ее не прерывали, заставляя кланяться. — Вы говорите о Душане, да?

Повисла тишина, словно никто не мог поверить, что она и впрямь это сказала. Дивочак выглядел так, будто его хватил удар: ему уже давно не выпадало та-

кой бурной недели, и во всех его горестях была виновата неумемная Шарка.

Пригожа оправился первым. Он поднялся со своего места и прыгуче подошел к Шарке.

— Да, *милая пани*, — ответил он, — я говорю о Душане. Вам этот человек знаком, так?

Шарка кивнула.

— А как же зовут вас, такую храбрую молодую вчительницу?

— Это наша Шарка, и у нее беды с башкой, мой пан, — вставил Дивочак.

Пригожа удовлетворенно кивнул, все еще буравя взглядом Шарку:

— Фу, как некрасиво, трактирщик. Тем более что я слышал о Шарке. И ни о каких бедах мне не говорили.

— Где... — Она запнулась на мгновение. Откуда бы сыну самого могущественного человека в городе о ней слышать? — Я хотела спросить, пан Пригожа, где Душан? Мы должны были встретиться сегодня, и он не пришел. Это было важно...

— О, мне очень жаль! — делано расстроился тот. — Боюсь, я сильно его озадачил, и бедолага не смог прийти с нами.

Шарка нахмурилась: представление молодого купца ей совсем не нравилось. Ее левая рука сжалась, правая нырнула в карман, к кольцу. Громилы дернулись, один опустил кисть на рукоять ножа; но Пригожа, увидев это, раздраженно цыкнул:

— Парни, вы чего? Она же просто девка! Что она мне сделает?

— Я бы вам ничего не сделала даже за деньги, — нахально выпалила вдруг Шарка и в ужасе прикрыла рот рукой.

— Ну дела! — удивился кто-то из «петухов»: они-то знали, что такие игры с их предводителем добром не кончаются.

— Шарка... дура... — только и смог прошипеть трактирщик.

— Да ладно вам всем! — повысил голос Пригожа. — Девочка просто хочет увидеть своего друга и волнуется. Кто я такой, чтобы ей отказать? Я слышал, у них любовь, — он снова уставился в глаза Шарке. — А любовь — это очень, очень важно. Хочешь, мы отведем тебя к Душану?

— Шарка, у тебя много работы здесь, — пытался вмешаться трактирщик, но друзья Пригожи заставили его замолчать.

— Благодарю вас, пан Пригожа, и простите мне мою дурацкую шутку. — Шарка глубоко поклонилась, крупно дрожа. — Мне правда надо знать...

— Как трогательно!

Пригожа как ни в чем не бывало вернулся на свое место. Казалось, он совсем не оскорбился, не удивился и не разозлился — напротив, его бледное лицо без единого прыща и морщины выглядело умиротворенным, словно после молитвы. Он выложил на стол стопку аккуратно сложенных монет:

— Это тебе, Дивочак. За убытки, которые мы с парнями тебе принесли.

— Мой пан? — глупо переспросил Дивочак, таращась на монеты и пытаясь вспомнить, какие такие убытки он понес. Но в конце концов под одобрительный взгляд Пригожи он сгреб монеты в карман.

Шарка неподвижно сидела за тем самым столом, ожидая, когда Пригожа и его люди отобедают. Молодой пан больше не смотрел в ее сторону, словно она для него не существовала; его парни тоже утратили

к ней интерес, как только на столе появилась еда. Но она знала: никто и не думал о ней забывать. Шесть пар глаз готовы были в любую минуту оторваться от тарелок и проследить взглядом за каждым ее движением.

Воздух перед ее лицом задрожал — это Дэйн подкрался к сестре и стал усиленно жестикулировать, но она схватила его за руки, заставляя замолчать, склонилась к его уху и как можно спокойнее сказала:

— Что бы ни случилось, не иди за мной. Все будет хорошо. Я просто хочу узнать, где Душан.

Мальчик забился в ее руках, возражая, но Шарка встряхнула его и прорычала:

— Что бы ни случилось, ты не пойдешь за мной! Ты понял, Дэйн? Понял? Поклянись сердцем матери!

«Да пошла ты!» — показал он в ответ, высунул язык и убежал.

«Что я делаю?» — проснулась вдруг «старая» Шарка, на которую напал ужас. От прежней решимости не осталось и следа — вмиг, безо всякой причины. Она словно очнулась ото сна, где ей было подвластно все, — и вернулась в настоящую жизнь, где у нее не было ничего, никакого оружия против мира сильных.

«Что я наделала?» Ужас сковал все тело от горла до низа живота; кишки пронзило тысячей ледяных игл... А Пригожа и его дружина уже расправились с обедом, и молодой человек хищно смотрел на нее, едва не облизываясь. Он не забыл о своем предложении.

Дивочак все протирал кружки, не поднимая головы и прикидываясь глухонемым. От вчерашних клятв, что он будет защищать Шарку, как обещал ее матери, не осталось ничего, кроме гнилого послевкуся.

Один из пригожиных громил взял ее под локоть и повел к выходу.

День уже клонился к закату, но на улицах и единственной большой площади Тхоршицы по-прежнему толпились горожане и приезжие из деревень. Те, кто уже успел опустошить свой кошелек и нагрузить до отказа телегу, теперь просто лениво слонялись, пялились на прилавки и ждали вечернее представление на специально для него построенном помосте. Другие все еще не теряли надежды сбить цену и уйти с барышом. Дети носились как угорелые, за ними бегали, брызжа слюной, городские псы. Первый день весны; день, когда демоны зимы отступают... Чучела с уродливыми мордами, одетые в зимние тряпки и сваленные у огромного кованого очага, ждали своей участи. Даже погода баловала людей: хотя в воздухе еще висел колючий мороз, а кое-где на лужах блестели ледяные корочки, солнце пригревало, не скупясь. День был ясным и промытым, как стекло.

«Везде столько народу. Он не осмелится ничего со мной сделать. Его увидят люди или поймает стража, и потом его поругает папаша. Поэтому он ничего не сделает», — уговаривала себя Шарка. Но с каждым шагом надежда, вместо того чтобы крепнуть, таяла, как лед под ногами.

Она и Пригожа шли бок о бок. Сына самого богатого купца Тхоршицы совершенно не смущала близость на людях с бедно одетой, испуганной шлюхой. Напротив, он даже велел ей взять его под руку, взбил свои золотые локоны и гордо поднял голову, словно вел великолепную даму. Свита кольцом окружала его. Хоть парни на первый взгляд вели себя беспечно и развязно, их глаза внимательно прочесывали толпу на предмет малейшей опасности для хозяина. Досталось даже мелкой дворняге из своры Шарки. Она

радостно кинулась к девушке — и в следующий миг с жалобным воем отлетела от удара сапогом.

Ужас вместе с ненавистью продолжали бушевать в Шарке, попеременно одерживая победу и отступая, смешиваясь в единую гущу чего-то ядовитого, отравляющего разум, тело и... зрение. Никогда еще Шарке не доводилось видеть мир так: все его тени резко сгустились, словно их старательно подкрасили черным; ярмарочные прилавки, гирлянды, помост, еда, широкие и страшные лица людей, трясущиеся, как тесто, — все казалось слишком ярким, острым, четким...

— Ты здесь? — услышала она как бы издалека голос Пригожи.

Он притянул ее за локоть:

— Почему ты совсем со мной не разговариваешь, мышка?

— О чем такой человек, как вы, может разговаривать с такой, как я? — ответила Шарка самым услужливым тоном.

— Конечно, куда мне до тебя! Прости-прости, глупо было даже спрашивать, королева, — сокрушенно закудахтал Пригожа.

Его свита захихикала.

На Шарку нахлынула волна ненависти, а потом ужаса и снова ненависти, смешанной с тошнотой, которая мучила ее с той самой ночи.

— Да ладно, расслабься, — сказал Пригожа и шикнул на своих: — Заткнитесь сейчас же, не смущайте девушку! Кто только вас воспитывал, негодяи? Не желаю видеть такое поведение!

Те немедленно умолкли.

Тем временем площадь, ярмарка, людные улицы и группы стражей остались позади. Пригожа, его сви-

та и Шарка уже шли по пустым, темным, узким улочкам, ведущим к окраинам... С каждым шагом людей становилось все меньше, а встречные — Шарка жадно заглядывала в лицо каждому — внушали не больше доверия, чем пригожинские черти.

— Мы просто ведем девушку повидаться с ее любимым, — ворковал Пригожа. Теперь, когда вокруг почти никого не было, он перестал шептать. Левая его рука обвила талию Шарки и беззастенчиво мяла грудь. — У них ведь такая любовь, какая вам и не снилась, парни!

Они больше не сворачивали и шли прямо к большому темному зданию с пустыми окнами, обнесенному высокой каменной стеной. Один из пригожинских складов, догадалась Шарка, на самой глухой околице городка, куда боялись заходить даже стражники. Вокруг — такие же темные склады и ни единого дома, где в окнах горел бы свет.

Один из громил достал ключ и отправился отпираться ворота. Вот он — конец.

— Такая любовь! — продолжал тем временем Пригожа. — Где-то полгода назад, когда мы впервые взяли его с собой в «Кабанчик», Душан начал вести себя странненько. Ты помнишь тот вечер? Он сразу на тебя запал, правда же?

— Пан Пригожа, — прошептала Шарка и вдруг рухнула перед ним на колени к новехоньким, блестящим сапогам. — Пожалуйста, простите меня! Я не знаю, что...

— Он сразу на тебя запал, — громко продолжил Пригожа. Шарку поставили обратно на ноги. Кто-то пихнул ее в спину, чтобы шла дальше. — Я это заметил. Мой дорогой Душан, весельчак, заводила — ведь так, парни, да?

Они отозвались согласным гулом.

— ...Вдруг стал таким тихим, задумчивым, как больной щеночек. Стал задавать вопросы, начал все чаще пропадать по вечерам где-то, вместо того чтобы остаться с нами...

— Мой пан, прошу, — снова попыталась перебить его Шарка.

Резкая боль — и назойливый звон в ушах. Она едва устояла на ногах от оглушительной пощечины. В бледное лицо Пригожи бросилась краска:

— Когда я говорю, ты молчишь! — сдавленно прокричал он и влепил еще одну пощечину. — Никто! Не смеет! Меня! Перебивать! А тем более какая-то шлюха!

Он прочистил горло и немного помолчал. Его свита тревожно замерла, не зная, чего ожидать от своего вожака. Но тот невозмутимо улыбнулся, снова взял Шарку под руку и продолжил:

— Итак...

Они миновали ворота и вошли в темный двор перед складом.

— Уж не знаю, какое такое колдовство ты провела с Душаном. Наверное, сумела найти его член в жирных складках. Это свело его с ума, и в голове начал зреть великий замысел о том, как он возьмет любовь всей своей жизни, ее детеныша или кто он там, и под покровом ночи сбежит от своих друзей, чисто по-дружески прихватив чужих кобылу и пони.

— Все было не так, — прошептала Шарка. — Душан сказал, что вы дали «добро»...

Они оба дотянули до последней ночи и трусили в самый важный момент, поняла она. Душан даже не думал брать разрешения у своего хозяина — как

и сама Шарка решила в итоге просто сбежать от Дивочака.

К этому времени они с Пригожей и тремя парнями из его свиты оказались внутри склада. Здесь царил беспорядок: ящики, коробки и бочонки были свалены вдоль стен, на столах лежали инструменты, конская упряжь, еще какие-то вещи, мусор; в углу кто-то сгрудил огромную кучу сена. Пахло сыростью, железом и дерьмом...

Шарку сотряс неистовый, животный ужас.

Пригожа поставил ее в середину зала и встал напротив.

— Откуда ты знаешь, как оно было? — спросил он. — Ты знаешь только то, что Душан сам тебе наплел. А я знаю, что на рассвете мои люди, возвращавшиеся с дозора, задержали человечка на *моей* лошади, ведущего *моего* пони, нагруженного *моими* сумками, и человечек этот очень напоминал *моего* телохранителя, которого я никуда не посылал и никуда не отпускал.

— Должно быть, какая-то ошибка... Мой пан, прошу вас! — Шарка в который раз попыталась упасть Пригоже в ноги, но ее снова поймали на лету. — Может, это был не Душан. Может быть...

— Нет, мышка.

Пригожа подошел к ней, положил обе руки на плечи и пристально взгляделся в глаза. Ничего хорошего его взгляд не предвещал — это был взор кота, играющего с добычей перед тем, как медленно разорвать ее на кусочки.

— Я не мог ошибиться, потому что все это Душан рассказал мне сам сегодня ночью. Про тебя. Про то, как ты вскружила ему голову. Про ваш чудесный план бросить все и исчезнуть в горах. Он был впервые

в жизни так со мной искренен, и я ему посочувствовал, я проникся! Правда же, парни?

Парни, как обычно, согласно закудахтали.

— Да, у хозяина доброе сердце!

— Он бы отпустил, если бы Душан не был таким мудаком...

— Душан сам обрубил сук, на котором сидел...

— Хозяин строг, но справедлив...

— Да! — вскричал Пригожа и продолжил, вопя во всю глотку: — Я — справедлив! Если бы меня не пытались обмануть, воспользовавшись моей добротой! Если бы у меня попросили, а не украли, моих лошадей! Если бы, черт возьми, не плевали в лицо мне, моему роду, моему отцу, который все делает для вот такой вот неблагодарной грязи, как Душан и вы все!

Грудь его тяжело вздымалась, под кожей набухли вены. Он схватил Шарку за предплечье и грубо пихнул в сторону сена:

— Да, впрочем, можешь сама у него спросить, так ли все было!

Шарка недоуменно уставилась на него, не находя в себе воли пошевелиться. Но Пригожа уже отошел к своим людям и терпеливо наблюдал издалека.

«Ты ведь за этим сюда шла, — проснулся вдруг Голос — тот самый чужой голос, возникший в ее голове, когда она собиралась поговорить с Дивочаком. — Ты хотела узнать, где Душан».

Она подошла к стогу и начала раскидывать сено — медленно, как только могла, страшась найти спрятанное.

«Ну хватит, — отрывисто проговорил Голос, — ты не можешь делать это вечно!»

Она послушно заторопилась. Он ведь прав, Голос, кем бы он ни был: пусть все поскорее закончится.

Ее пальцы ударились о что-то твердое. Ледяные шипы ужаса снова проткнули горло, сковали руки, язык...

Из сена на Шарку уставились подернутые пеленой глаза Душана.

Она отскочила от стога. Не удержавшись на ногах, завалилась на спину, заткнула рот рукой, едва не прокусив ее до крови, — но отвести взгляда от своей находки не могла.

Душан был полностью раздет. Все его тело покрывали кровоподтеки и узкие раны. Руки заковали между лицом и грудью, словно он все еще пытался защитить залитую кровью шею. На животе было вырезано какое-то слово — прочесть его Шарка не могла.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем она сумела оторвать взгляд от мертвеца и вернулась в свое тело, сжавшееся на холодном полу. Крик и плач застряли в ее груди, так и не найдя выхода.

— Прости, если мы тебя испугали, мышка, — раздался голос Пригожи откуда-то издалека. Шарка вздрогнула: она успела напрочь забыть о его существовании. — Но ты же сама слезно просила отвести тебя к Душану. Вот мы и отвели. Ты не рада? Ты что-то другое ожидала увидеть?

Пригожа приблизился. На его лице светилось искренне удовольствие, а тело мелко подрагивало, словно стремясь против воли своего владельца пуститься в пляс. Ему было неподдельно, неистово весело.

Шарка стремительно вскочила и выбросила вперед правую руку. Сразу за правой взлетела и левая. Пригожа взвыл: на обеих его щеках расцвели алые царапины.

— Ах ты пизда-а-а-а! — завизжал он, срывая горло.

Шарка снова кинулась на него, краем глаза отметив, что громилы уже несутся к ней. Но ужаса в ней не осталось. Все, чего она хотела, — уничтожить этого красивого ублюдка. Если придется отдать за это жизнь — что ж, это была не та жизнь, которой стоило дорожить. Наоборот: это унижительное, грязное, беспросветное существование наконец-то закончится...

Она повалила Пригожу на пол, изо всех сил избивая кулаками. Но тот не растерялся и со всей силы ударил ее в глаз. Второй удар пришелся по скуле. Шарка, воя, как дикое животное, скатилась с Пригожи, но тут же вновь бросилась на него, почти успела впиться в горло...

Мощный удар по спине, и Шарка снова оказалась на четвереньках, лоя ртом воздух: это добежали к ней и Пригоже двое его людей. Один из них пинал Шарку по ребрам, второй бросился помогать стонущему хозяину. Третий остался стоять в стороне, держа в руках какой-то странный мешок...

— Стойте, — прорычал Пригожа. Удары прекратились. Шарка рухнула на живот. — Она нужна мне живой. Вы же хотите развлечься, парни? — Угодливое, радостное ржание. — Ты, мразь! — Он приблизился и харкнул ей в лицо. — Ты не заслужила легкой смерти! Я хочу, чтобы ты умоляла меня о ней...

— Мой пан, — подал кто-то голос. — Смотри! Плелся за нами всю дорогу.

Все тело Шарки от макушки до пальцев ног ныло от боли — но и эта боль не смогла перекрыть новую, самую большую волну отчаяния, когда она поняла, о чем идет речь.

Третий телохранитель Пригожи держал не мешок. В его руках болтался Дэйн.

Пригожа запрокинул изуродованную голову и рас-
смеялся.

— Больше не будешь царапаться, сука. — Человек,
избивавший Шарку, схватил ее за волосы.

«Что ты наделаала?» — прочитала она в залитом сле-
зами лице Дэйна.

— Что *ты* наделаал, Дэйн, — прошептала Шарка
сквозь подступающие рыдания. — Мой пан... Прошу...

Пригожа присел перед ней на корточки. Крово-
точившие царапины на щеках делали его похожим
на кота.

— Да, милая? Что на этот раз прикажет наша ка-
призуля?

— Прошу, отпустите мальчика. Умоляю! Умоляю!
Делайте со мной что хотите, только отпустите его...

Пригожа помолчал.

— Можете пытать меня, можете меня убить...

— Это мы и так можем, дорогая. Твое разрешение
для этого не нужно.

— Тогда... — Шарка, преодолевая боль, потянулась
к карману. Громила придавил ее было коленом, но При-
гожа замахал на него руками: ему было любопытно.

В лучах закатного солнца, что неохотно пробива-
лись в зал через окошко, острый камень в перстне
блестел особенно ярко.

Пригожа приподнял брови, осторожно забрал его
у Шарки и положил на ладонь. Массивный, мужской,
выполненный из темного тусклого металла в форме
двух рваных крыльев, между которыми сидел боль-
шой камень, — перстень выглядел грубо, так, словно
не желал кому-то понравиться. Но от него явственно
исходила странная сила, понятная даже твердолобым
людям Пригожи, которые заворуженно уставились
на трофей.

— Это мне дал кьенгар, — прохрипела Шарка. — Свортек, последний кьенгар Бракадии, правая рука короля...

— Дал, конечно, — перебил Пригожа. — Наверняка сняла, пока сосала его волшебный хрен. Оно что-то делает?

— Я не знаю... Пожалуйста... Отпустите Дэйна...

Пригожа задумался, переводя взгляд с кольца на Дэйна, с Дэйна на Шарку, с Шарки обратно на кольцо. В глубокой задумчивости он поскреб макушку, потер окровавленный подбородок, встал и принялся расхаживать туда-сюда. Кажется, его размышления длились вечно. Даже его люди начали нетерпеливо сопеть, когда наконец он нацепил кольцо на палец и сказал:

— Ну что ж... Я подумал. Взвесил все за и против и решил, что... Да нет, конечно, ты серьезно думала, что после всего этого я возьму невнятное колечко и все забуду? Парни, — повернулся он к своим людям и кивнул на столы: — Отдерем эту шляху так, чтобы она напоследок поняла, как себя вести с такими, как мы.

Они без труда уложили ее животом на один из столов — у Шарки уже не осталось сил на сопротивление. Один держал ее сведенные за спиной руки, пока другой задирал юбки и стягивал с бедер исподнее.

— Сначала я. Опробую, так сказать, — вдруг она ядовитая? — Пригожа спустил штаны и был во всеоружии. — Все ради вас, мальчики!

Его рука звонко шлепнула Шарку по оголенной ягодице:

— Знаете, я начинаю понимать олуха Душана, — промурчал он, погружая другую руку в густые волосы девушки, пока его подручный разводил ее ноги.

Вот и все. Четверо молодых мужчин, злых и разгоряченных, были ей не под силу, даже будь у нее оружие; с голыми руками, с Дэйном в заложниках — нечего и надеяться спастись... В ее глазу — том, что не заплыл кровью, — все вокруг снова сгущалось и темнело, тени собирались в причудливые очертания, похожие то ли на людей на четвереньках, то ли на собак... Разум оставлял ее.

Точно, собак, думала она, пока все ее тело сотрясалось от яростных толчков. Собаки, ее верная свора, были к ней, в отличие от людей, добры. А тем немногим людям, которые ее любили, пришлось в итоге за это поплатиться.

Она ведь обещала никогда не вести себя, как их с Дэйном мать: словно жизнь не стоила ничего, в отличие от чувства собственного достоинства. На том покойная Анежка и стояла до своего позорного конца. Стоило Шарке единственный раз в жизни выглянуть из тени и нарушить тишину, как ее немедленно постигла та же участь.

В сырой тишине мерно шлепала плоть о плоть да плакал Дэйн. Его держали так, чтобы он не мог вернуться от сестры. Мальчик жмурился изо всех сил, но иногда что-то заставляло его открыть на мгновение глаза — и судорога рыданий снова сотрясала тощее тельце.

Пригожа проследил за взглядом Шарки:

— Эй, мальчик, — спросил он через одышку, — ты любишь свою сестру?

Тот не отозвался.

— Эй, мальчик! — заорал Пригожа и с размаху ударил Шарку по заду.

— Отвечай, когда к тебе обращается пан! — прорычал громила, державший Дэйна.

— Он не может... Он немой... — пробормотала Шарка, но ее никто не услышал.

Юноша — огромный, как великан, но с мелким лицом — встряхнул мальчика и кинул его на пол, а затем замахнулся ногой. Обитый железом носок сапога пролетел в дюйме от носа Дэйна.

— Отвечай, падаль!

Тени снова сгустились в глазах Шарки. Плотные, четко очерченные, они словно отделились от людей и стен и обросли зубами, шипами, шерстью и когтями, щерясь в пустоту. Предсмертный бред, подумала она с облегчением. Сейчас, еще немного — и все закончится...

«Долго ты будешь терпеть?»

Голос.

Как в тот вечер, когда она хотела отдать Дивочаку проклятое кольцо, он ворвался в ее ум — оглушительный, перекрывший все, что в этом уме осталось. Вместе с Голосом тени отделились друг от друга — натурально, ее стая верных собак с заднего двора трактира.

Одна из теней поднялась на задние лапы. У нее были глаза — хотя в черном вихре их трудно было различить, но Шарка откуда-то знала, что это те самые глаза-пропасти с одинокими белыми лунами, что без отвращения и презрения смотрели на нее в ту ночь.

«Только скажи».

Пригожа ускорился и громко застонал от приближающейся волны удовольствия. Дэйн все так же хныкал на полу, уворачиваясь от издевательского сапога.

«Хватит».

И тени, взвившись с пола, набросились на людей.

Шарка почувствовала, как Пригожа отпрянул от нее — а затем грянул его истошный, пронизываю-

щий до самых костей вопль. Одна из теней — та, что стояла на задних лапах, — кинулась на человека, издевавшегося над Дэйном. Казалось, время замедлилось: Шарка, не смея пошевелиться, смотрела, как клыки черного пса впиваются в лицо, вырывают из него нос, губы и щеки, скручивают огромное сильное тело, как тряпичную куклу, и отбрасывают к дальней стене.

У нее не было времени решать, происходит ли все это в ее угасающем разуме или наяву. С неожиданным приливом сил, словно она не была только что жестоко избита и изнасилована, Шарка подтянула белье и юбки, схватила в охапку Дэйна и бросилась подальше от теней, к большим запертым дверям склада.

— Что-о-о-о это-о-о-о?! — вопил Пригожа, отползая от двух скалящихся теней.

Остальные его люди уже лежали в лужах крови, разорванные на части. Только на Шарку и Дэйна тени, кажется, не обращали никакого внимания; они следили за последним выжившим.

— Убери это! — Пригожа дико выпучился на Шарку. — Убери этих демонов, или, клянусь...

Вся ненависть, собравшаяся в Шарке — не только за этот день, но, кажется, за всю жизнь — вылилась в страшный крик:

— Сдохни!!!

Она вскочила на ноги, вскинула руку, указывая на Пригожу, — и все до единой тени набросились на него с хриплым, совсем не собачьим улюлюканьем.

Первая тень вцепилась ему в пах.

Вторая, старательно примерившись, погрузила когти в некогда красивое кошачье лицо.

Остальные — во все, до чего сумели достать.

Двери распахнулись — и в них несмело заглянули люди Пригожи, которые остались сторожить сна-

ружи. Но тени, собаки, демоны или кем они были, не стали медлить и ринулись в новый бой. Они множились сами по себе: если вначале их было всего трое, то теперь уже огромная многоголовая, многолапая, кровожадная стая черной волной накрыла несчастных, которые даже не успели понять, что произошло. Их предсмертные вопли жалко повисли в воздухе прощальным эхом.

Дэйн дернул Шарку за рукав, указывая на двери. Последние демоны, оставив еще живого, но не имеющего никаких шансов Пригожу, собрались у двери и терпеливо дожидались Шарку.

— Подожди.

Она подошла к умирающему. Его пах был разорван, выданный член аккуратно уложен на грудь. Из кровавого месива, когда-то бывшего лицом, потрясенно смотрели глаза. Во рту все еще роились какие-то слова, но им уже не суждено было прозвучать. Шарка сняла с его пальца кольцо и нацепила на свой.

«Давно пора», — удовлетворенно проговорил Голос.

Затем Шарка подхватила трясущегося Дэйна, подняла голову на смиренных демонов, кивнула им и побежала прочь из пропахшего кровью склада.

Тхоршица утонула в сумятице.

Главная площадь, на которой всего полчаса назад весело торговали, пили, ели, носились, готовились к сожжению чучел, превратилась в место ужаса. Прилежащие улицы наводнили отряды пешей стражи, к ним присоединилась стража конная, но все пребывали в полной растерянности.

Со слов очевидцев, все происходило так: на площадь выбежал человек — судя по нашивкам на плаще, один из ватаги купца Пригожи. Он был весь в крови и хро-

мал. Подбежавшим стражам он сообщил, что за ним гонятся колдун и его демоны, жестоко убившие двадцать человек, — а затем потерял сознание и умер.

Другие говорили, что человек выбежал на площадь уже с демоном на спине, похожим не то на дракона, не то на волка; демон порвал несчастному шею и растворился в воздухе, но со стороны складов к площади приближались такие же полчища нечисти...

Никто уже и не помнил правду, но вот то, что случилось потом, было более-менее ясно.

На площадь действительно хлынула странная вязкая мгла — словно огромная, невысказанная свора бесплотных зверей пронеслась по улицам и скрылась под помостом. Кто-то говорил, что посреди своры бежал человек, вероятно, тот самый колдун, кажется, даже не один. Но во тьме его было не разглядеть, а приближаться к помосту не осмеливался никто.

Затем появился еще отряд конной стражи с арбалетами и окружил помост. Колдуна и его демонов загнали на площадь, чтобы они не сумели затеряться в узких улочках. Ничего не понимающие пешие стражи присоединились к окружению...

А беспорядок становился все сильнее. Люди носились по площади, лишившись разума: кто-то истошно орал от ужаса, кто-то до последнего пытался спасти с прилавка свой товар, кто-то смеялся и хлопал в ладоши: надо же, настоящие демоны! Представление последнего дня зимы в этом году выдалось что надо! Зеваки с улюлюканьем собрались чуть поодаль от помоста.

— Пошли отсюда на хрен! — Глава конной стражи замахнулся на них арбалетом. Те бросились врассыпную, но стоило ему отвернуться, как все тут же вернулись на свои места.

— Капитан, все выходы с площади перекрыты, — доложил белый как простыня страж. — У них не получится уйти... Только если они не летают...

— Че б они летали, — буркнул капитан. — Если это действительно демоны, а не разбойничья шайка, то я — король Редрих!

— Люди говорят, это демоны, капитан! Демоны, похожие на...

— Заткнись! — рявкнул тот и погнал свою лошадь обратно в сторону окруженного помоста. — Никаких демонов не бывает! Уже. Просто окружите и застрелите этих подонков!

Арбалетчики нацелились на плотную тьму подмостков, где скрывался преступник — капитан даже в мыслях не позволял себе назвать его кодуном. Оружие в руках стражей, не привыкших к подобному, ходило ходуном.

— Вы солдаты или что? — взревел капитан в ярости и направил свою лошадь прямо к помосту. — Эй, ты! Кто ты бы ни был, выходи с поднятыми руками!

И вдруг тьма заволновалась, зашевелилась, словно дым на ветру. Руки стражей задрожали еще сильнее, зеваки вытянули шеи, те из них, кто не успел убежать, попрятались за прилавками. Даже капитан, как бы ни храбрился, ощутил, как сердце тяжело бьется где-то в горле.

Тьма расступилась, и из-под помоста вылезла грязная молодая девушка в разорванном платье. Один глаз ее заплыл, скула была рассечена, юбки в крови; шла она медленно, сторбившись — воплощенная боль. Девушка подняла руки, показывая, что безоружна, нашла взглядом капитана и умоляюще обратилась к нему:

— Пожалуйста... Прошу...

— Ведьма, — прошептал кто-то из воинов.
— Ведьма! — подхватили в народе.
— Ведьма и ее демоны!
— Нет, — слабо возразила Шарка. — Пожалуйста, выслушайте...
— ВЕДЬМА!

Тонко скрипнул металл — у кого-то из солдат сдали нервы, и болт из арбалета полетел прямо в голову Шарке.

Но он не успел преодолеть и половину своего пути. Сотканная из черного дыма рука со множеством когтистых пальцев вмиг возникла в воздухе и поймала болт легко, словно это была разморенная летней жарой муха.

— Что... — Капитан потерял дар речи. Девушка по-прежнему посылала ему умоляющий взгляд, никак не отреагировав ни на стрелу, ни на призрака.

— Пожалуйста, капитан...

— Стреляйте! — резко скомандовал тот — и множество болтов в тот же миг сорвались с тетив. Но теперь уже не одна рука, а огромное множество лап, рук и пастей выскользнули из-под помоста и окружили Шарку плотным кольцом. Болты застыли в воздухе и, повисев так несколько мгновений, градом осыпались перед девушкой.

— Стреляйте! — снова завопил капитан, срываясь на визг.

Новый залп ждала та же участь — только вот кольцо начало медленно растекаться, рассыпаясь на многоруких, многоголовых существ...

Зеваки кинулись врассыпную: не такого представления они ждали. Кое-кто из стражей тоже бросил арбалет и сломя голову кинулся прочь. Лошади бешено ржали и вставали на дыбы.

— Да что с вами со всеми! — заскулил капитан в отчаянии. — Стреляйте!

Крик застрял в его горле, когда одна из сумрачных тварей бросилась на него и повалила с лошади. Капитан упал наземь, скорее услышав, нежели почувствовав, как хрустнуло от удара колено. Прямо перед ним стояла ведьма — вот только в ее глазах больше не было ни мольбы, ни страха. Да и глаза ли это были? Пустые белки светились мертвым лунным светом даже через набухающие синяки. Она стояла, раскинув руки, словно говоря: «Смотри, что ты сделал. А ведь я предлагала иначе».

— Постой, — прохрипел капитан, но опоздал: одна из теней вцепилась ему в горло.

Вопли ужаса, несущаяся куда попало толпа и тени, тени, тени, демоны — они не различали мужчин и женщин, не знали усталости и жалости; вместе с тенями пришел вихрь, который выбил из рам все окна, и к музыке смерти добавился пронзительный звон битого стекла. Казалось, сама земля сотрясается под ногами чудовищ, которые все множились, ненасытные, круша все на своем пути, и с каждой секундой разрушения их мощь приумножалась...

Шарка пришла в себя. Дэйн шлепал ее по щекам и указывал куда-то. Она была не в состоянии думать — то, где она пребывала последний час, было трудно назвать рассудком.

— Что ты хочешь? — сердито спросила она.

Мальчик снова ткнул куда-то в сторону. Трупы, демоны, покосившийся навес помоста, разрушенный рынок... Лошадь. Дэйн указывал на одинокую лошадь капитана — единственную, что не убежала с площади.

Понимание возвращалось к Шарке медленно — и все же до нее дошло, что брат имел в виду. Она поймала лошадь, посадила Дэйна в седло и забралась в него сама.

Сумерки укрыли их, и вскоре они уже мчались через брошенные открытыми в суматохе ворота, покидая растерзанную Тхоршицу.

Навсегда.

IV ПЛАЧ

Плач был везде: то тихий, интимный, то надорванный, переходящий в рев, то певучий, как старая песнь. Он поднимался с площади в воздух, рассеивался над городом, замершим в скорби и растерянности, и затем возобновлялся с новой силой. От плача звенело в ушах, но оставалось только терпеливо дожидаться, когда он уймется, окончательно растворится в темноте сумерек, и за ним грянет тревожная ночь новой эпохи.

За день, проведенный на прощальной церемонии, герцог Рейнар устал от плача. На середине одного из ритуалов, когда усопшему повязывали на ноги и на руки цветные ленты, он даже подумывал приказать особо усердным плакальщицам хоть немного помолчать. Но вряд ли его величеству понравилась бы такая идея, а Рейнару меньше всего сейчас хотелось приумножать его печаль.

Король выглядел неважно: всего за неделю с тех пор, как принесли роковые вести, неожиданные, как гром в зимнюю ночь, он чудовищно похудел и осунулся. Яркие янтарные глаза потухли, в длинных, по плечи, темных волосах засеребрилось еще больше седины.

Никто этого, конечно, не знал: король был одет, как и полагается, в черную мантию поверх церемониального доспеха, корона красовалась поверх накинутого на голову капюшона, — но Рейнару довелось мельком увидеть его до похорон.

Редрих Первый из рода государей Хасгута не горевал так сильно ни в самые черные дни войны с Аллурией, ни в дни, когда в полях Бракадии свирепствовал проклятый Ян Хроуст со своими головорезами. Но в те времена оставалась хотя бы надежда. А сейчас воплощавший ее человек лежал мертвый на каменном алтаре...

Старый первый советник обронил, что только однажды видел короля таким. Это случилось, когда был вероломно убит его отец, славный Теобальд Великодушный. Тогда Редрих не ел, не говорил и не спал, и при дворе поползли слухи, что молодой наследник лишился рассудка. Впрочем, вся Бракадия была охвачена ужасом: никто не ожидал такого предательства даже от свиньи Яна Хроуста. Но тот сумел превзойти самого себя, отравив короля Теобальда, с которым всего пару дней назад подписал на крови соглашение о мире.

Однако в тот раз всего через неделю семнадцатилетний Редрих оправился, словно по волшебству. Ненависть поставила его на ноги, ненависть заставила взять меч, вспомнить об осиротевшем народе и заверить этот самый народ, что он готов стать ему новым отцом. С тех пор уже больше тридцати лет король не давал повода для сомнений, не позволял себе и тени печали. Даже когда все прочие за его спиной начинали перешептываться в панике, даже когда советники, смертельно бледнея, умоляли его остановиться, пересмотреть, передумать — Редрих лишь улыбался своей

знаменитой уверенной улыбкой, говорившей: «У меня все решено, и никто не сможет меня переубедить».

И всегда оказывался прав.

Сейчас этой живительной ненависти и король, и народ были лишены. Ее не к кому было приложить, и от этого в душе каждого поселился ядовитый непокой, словно фантом недобитого врага, поджидающий за темным поворотом.

Колонны людей подходили к каменному алтарю с двух сторон, с севера и юга. Рейнар плелся в северной. Казалось, очереди конца не будет. Уже почти два часа члены королевской семьи, дворяне, уважаемые представители древних родов, воины, мудрецы, фавориты короля, родственники почившей королевы и главы гильдий по очереди подходили к алтарю, чтобы принести усопшему последние дары.

В этом нет никакого смысла, сварливо думал Рейнар. Куда они денут весь этот хлам? Вопреки традиции тело не будет погребено в Крипте Великих — усопший с незапамятных времен, перед каждой битвой требовал, чтобы, если он падет, тело сожгли, а прах как можно скорее развеяли. Редрих, конечно, согласился, несмотря на возможное нытье священников Единого Бога. Но их можно проигнорировать: эта смерть, которая для Бракадии означала начало темных времен, для них, наоборот, была лучшим из даров судьбы. Шутка ли: главный язычник и еретик, по совместительству — правая рука короля, соизволил отправиться к своим кровавым богам! Сейчас в храмах святоши, наверное, пируют, танцуют, поют... или что они там делают в случае большой удачи? Едят младенцев язычников во славу господи?

Рейнар вдруг обнаружил, что на него устремлено множество неодобренных взглядов тех, кто уже

воздал почести и дожидался остальных. Кажется, им не понравилось, как он усмехался своим мыслям и совершенно забыл о маске скорби. «Конечно, — подумал он, делая шаг и оказываясь во главе очереди, прямо перед алтарем, — они стоят уже два часа без еды и питья, боясь хоть на секунду утратить печальный вид. А я стою и улыбаюсь — хотя что с меня взять?»

Он подобрался, нахмурился и сжал губы. Герцог Рейнар славился высоким ростом, крепким телосложением, здоровьем быка и всегда мрачным, почти зловещим выражением лица. Усмешка на его губах появлялась нередко, но и в ней было что-то болезненное и угрожающее одновременно.

«Ладно, Рейн, они правы, — уговаривал он себя, — давай попробуем сосредоточиться на том, ради чего мы здесь».

Он заставил себя посмотреть на лежавшего на алтаре покойника — и вдруг понял, что все это время старательно отводил взгляд от воскового лица и рук, сложенных на груди. Смотреть на мертвеца было сложно, хотелось поскорее зажмуриться, сердце разогналось. Он видел огромное множество мертвецов, он вел в бой солдат, он воевал с младых ногтей, но этот труп выглядел странно. Точнее, именно этого человека было страннее всего на свете видеть трупом...

Рейнар отвел взгляд и, чтобы отвлечься, уставился на женщину, подходившую с другой стороны. И это тоже было ошибкой. Он не сдержался и выругался себе под нос; слова, к счастью, утонули в рыданиях плакальщиц.

Невысокая девушка в облегающем черном платье быстро подошла к алтарю, не глядя ни на кого и ни на что, кроме белого лица. Даже не подошла — кинулась к нему жадно, одним сильным рывком преодолев лок-

тей шесть — и без всякого стеснения склонилась над мертвецом.

Рейнар спиной чувствовал перешептывания собравшихся и их неодобрение. Он украдкой бросил взгляд на короля — но тот по-прежнему сидел в своем кресле, прикрыв лицо ладонью; его губы кривились в плохо сдерживаемом плаче.

«Если это совпадение, что *она* идет прямо передо мной, — думал тем временем герцог, — то я такие совпадения в рот ебал».

Тем временем девушка сняла капюшон, демонстрируя не по-женски коротко остриженную голову и опухшее от слез, но все еще красивое острое личико. На сей раз публика не сдержала удивления, и пере-

шептывания заметно усилились — их было слышно даже сквозь плач. Где же ее знаменитая черная копна до пояса, краса и гордость, предмет ядовитой зависти придворных дам и постыдного вожделения господ?

Ответ не заставил себя ждать: девушка положила к телу почившего длинную толстую косу — ту самую косу раздора — и, склонившись еще ниже к мертвецу, что-то зашептала ему на ухо. Ее слезы закапали на лицо покойника.

Насколько знал Рейнар, традиция не запрещала орошать ушедшего слезами — но он снова ощутил, как над собравшимися набухла волна негодования. Из южной очереди раздалось раздраженное громкое покашливание. Стриженная девушка в последний раз заглянула в лицо покойного, коснулась его щеки и наконец тяжко, словно это требовало от нее огромного усилия воли, оторвалась от него и ушла в круг тех, кто уже попрощался.

Вот и пришла его очередь. Герцог Рейнар подошел к алтарю, собираясь как можно скорее разделаться с церемониальной обязанностью и ускользнуть прочь под привычные ехидные улыбочки и змеиные шепотки. Но, оказавшись перед трупом, застыл. Его могучее тело налилось свинцом; предплечья мучительно заныли...

— Ну что ж, — произнес Рейнар, — пришло наконец и твое время.

Он протянул свой дар: моток толстых ниток с воткнутой в них иглой. Шепотки становились громче, кусали его в затылок, но чем дольше он вглядывался в усопшего, тем меньше его волновало происходящее вокруг.

— Не знаю, как тебе это поможет *там*, — продолжил он, укладывая дар в ногах мертвеца, — но чертова

традиция хочет, чтобы я подарил что-то значимое для нас обоих. Заштопаешь себе плащ...

Он запнулся. Его сильный низкий голос звучал сдавленно.

— Знаешь, я часто представлял, что на этом алтаре — не на этом самом, конечно, куда мне! — буду лежать я, а ты придешь меня провожать, тоже с дурацким подарком. Но вот мы здесь. Ты мертв, а я — жив. Это самый странный из миров. Так глупо. — Герцог Рейнар немного помолчал и закончил как можно холоднее: — Прощай, Свортек.

Он отвернулся и быстро зашагал, почти побегал прочь от алтаря. Резкое раздражение захлестнуло его, обычно невозмутимого. «Все это какой-то абсурд, — думал он, ища в толпе Фубара, — начиная с самой смерти Свортека — бессмертного, нестигаемого, все-сильного защитника Бракадии — и заканчивая этим спектаклем». Рейнар своими глазами видел, как Свортек в одиночку откинул армию аллурийцев, высадившуюся на берег с огромных крепких кораблей, а затем и сами корабли пустил на дно, словно они были сложены из бумаги, — и на нем не осталось ни царапины в тот день. Он всего лишь запыхался немного, и то скорее от ярости, нежели от усталости.

Этим олухам в расшитых платях в его смерть до сих пор не верится, судя по тому, как внимательны они к глупостям вроде срезанных волос Морры или странного прощального дара Рейнара; им совершенно все равно, кто и какой ценой защищал их шкуры все эти годы от Аллурии, от Яна Хроуста и многих других. Зато очень интересно, кто быстрее найдет тропинку к опустевшему сердцу короля...

— Я бы предложил тебе вина, Рейн, но традиции есть традиции, — прошептал ему на ухо Фубар — великан

с мальчишеским лицом, мелкопоместный землевладелец, друг детства, бывший оруженосец, боевой товарищ и, по мнению всего двора, любовник Рейнара. — Придется подождать, пока все не воздадут почести.

— Я хочу сегодня накуриться мадемы как свинья и уснуть сном монаха. Ты со мной?

К его изумлению, легкий на подъем Фубар покачал головой:

— Не получится. Пока ты прощался со Свортеком, первый советник его величества просил передать: после церемонии ты очень нужен в Зале Глухих Стен.

— Что? — простонал Рейнар. Впрочем, к чему-то такому он отчасти был готов. — А зачем, он не сказал?

— Сказал? Мне? — фыркнул Фубар. — Я больше не твой оруженосец, и никто не доверяет мне твои секреты.

— Очень жаль... Но ведь прощание не может длиться вечно. Редрих не в том состоянии, чтобы толкать длинные речи. Подожди меня в нашем месте, и мы...

— Я, конечно, мысли читать не умею, — перебил его Фубар, — но лицо у советника было очень, очень серьезное.

Рейнар снова выругался — на сей раз даже не пытаясь понизить голос.

Спустя какое-то время обе очереди наконец закончились, и присутствующие собрались вокруг алтаря. Лампы погасили, и площадь перед храмом Единого господ освещали теперь только факелы и звезды. Последним воздавал почести его величество, король Бракадии, Галласа и Янвервольского Хвоста, Редрих Первый Самоотверженный, сын Теобальда Второго Великодушного из рода государей Хасгута. В полной тишине

он медленно и величественно прошел по коридору, который ему выстроила толпа, неся в руках факел и свой дар — потрепанный старый кинжал. Рейнар знал историю этого кинжала: им Свортек заколол на поле боя врага, который навис над юным Редрихом.

Пока Редрих, склонившись над телом мага, что-то шептал ему на ухо — что-то личное, так, чтобы больше никто не услышал, — Рейнар обернулся и уставился в звенящую темноту. Он, Фубар и все остальные обладатели высокого роста занимали последние ряды гостей. За их спинами площадь заканчивалась и переходила в длинный широкий мост, соединявший Нижний и Верхний Город. На мосту выстроилось немыслимое количество самых лучших, свирепых и верных воинов всей Бракадии, словно в войну. Шутка ли — столько дворян и важных особ в одном месте, похороны великого кьенгара и король, потерявший бдительность в своей черной печали...

Но Рейнара интересовало не это. Он пристально смотрел дальше, за спины воинов — на заполненные людьми площади, улицы, крыши домов, террасы, балконы, даже фонари и деревья Нижнего Города... Там, в этой темноте, разливалась другая скорбь — тихая, перемешанная с ужасом, не облаченная в витиеватые речи и церемонии. Безмолвие детей, лишившихся своего настоящего защитника. Безмолвие людей, потерявших последнюю надежду, людей, которых не впечатляло закованное в латы, вооруженное до зубов воинство.

Герцог не заметил, что плакальщицы давно умолкли. Голос Редриха разорвал тишину и легко разнесся по площади, полетел дальше, к народу, тусклый, но по-прежнему сильный:

— Здар, Свортек, и пусть наша скорбь озарит твой последний путь! Бракадия потеряла величай-